

К.М. Остапенко

Приложение к журналу «ПОСЕВ»

ЛЕМНОССКИЙ ДНЕВНИК

офицера Терского казачьего
войска 1920—1921 гг.

Приложение к журналу «Посев»

Константин Остапенко

**Лемносский дневник
офицера Терского казачьего
войска 1920–1921 гг.**

«ПОСЕВ»

2015

УДК 94(470.6)
ББК 63.3(2)612

Остапенко К. М.

Лемносский дневник офицера Терского казачьего войска 1920–1921 гг. / К. М. Остапенко — «ПОСЕВ», 2015 — (Приложение к журналу «Посев»)

ISBN 978-5-906569-08-0

В дневнике и письмах К. М. Остапенко – офицера-артиллериста Терского казачьего войска – рассказывается о последних неделях обороны Крыма, эвакуации из Феодосии и последующих 9 месяцах жизни на о. Лемнос. Эти документы позволяют читателю прикоснуться к повседневным реалиям самого первого периода эмигрантской жизни той части казачества, которая осенью 1920 г. была вынуждена покинуть родину. Уникальная особенность этих текстов в том, что они описывают «Лемносское сидение» Терско-Астраханского полка, почти неизвестное по другим источникам. Издание включает статью Б. Баньи «Лемнос, казачий остров», Отчет о работе Американского Красного Креста на Лемносе Дж. Макноба и персоналии, а также редкие фотографии, часть из которых публикуется впервые.

УДК 94(470.6)
ББК 63.3(2)612

ISBN 978-5-906569-08-0

© Остапенко К. М., 2015
© ПОСЕВ, 2015

Содержание

Сведения об авторах:	6
Предисловие	7
Оригиналы дневника и писем	9
Расшифровка Н. Остапенко (1926 г.)	10
Расшифровка В. Остапенко (1963 г.)	11
Особенности обработки текста	12
Биографический материал	13
Иллюстрации	14
Благодарности	15
Слово хранителя дневника	16
Бруно Баньи	18
Возникновение Лемносского лагеря	20
Головоломка: как быть с беженцами?	20
Избирается о. Лемнос	20
Лагеря в Чаталдже	22
На Лемнос прибывают кубанцы	22
Переброска на Лемнос донцов	23
Повседневная жизнь на Лемносе	25
Отношения между казаками и французскими властями	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

**Лемносский дневник офицера
Терского казачьего войска 1920–1921 гг
Редакторы-составители В.
Е. Койсин и А. А. Коновалов**

© А. А. Коновалов, 2015

© Содружество «Посев», 2015

Сведения об авторах:

Койсин Виталий Евгеньевич

Родился 24 июля 1977 г. в Ленинграде.

В 2000 г. окончил С.-Петербургский морской технический университет, с 2004 г. – кандидат технических наук.

В настоящее время – научный сотрудник С.-Петербургского морского технического университета.

Автор ряда статей по механике композиционных материалов, истории церковной эмиграции, военной истории.

Коновалов Александр Алексеевич

Родился 14 мая 1944 г. в Лёвене (Бельгия).

В 1969–1976 гг. атташе по культуре посольства Бельгии в Москве. В 1976–1979 гг. на дипломатической работе при ОБСЕ (Белград, Валетта, Монтрё, Бонн, Гамбург, Мадрид), далее на консульской работе в Алжире, Румынии, Финляндии, Люксембурге, Азербайджане и Перу. В 2001–2009 гг. сотрудник центрального аппарата МИД Бельгии.

В настоящее время – пенсионер.

Автор ряда поэтических переводов и статей на тему русско-бельгийских культурных связей.

Предисловие

Публикуемый «Лемносский дневник» написан Константином Михайловичем Остапенко, сотником Терско-Астраханского полка, и охватывает период с 16/29 октября 1920 г. по 8/21 июля 1921 г. Первые страницы описывают начало отступления из Северной Таврии, из Генического, по Арабатской стрелке в Крым, далее эвакуацию на пароходе «Владимир» из Феодосии на о. Лемнос. Следующие страницы, за небольшим исключением, посвящены жизни на этом острове. Кроме дневника, публикуются письма К. Остапенко к своим братьям в Галлиполи (последнее датировано 19 июля 1921 г. ст. ст.) и несколько писем его сослуживца, сообщавшего братьям о его кончине 23 августа 1921 г. ст. ст., переписка Н. Остапенко с дирекцией РЗИА, а также статья Б. Баньи «Лемнос, казачий остров», Отчет о работе Американского Красного Креста на Лемносе Дж. Макноба и персоналии.

История «Лемносского сидения» казачьих частей Русской армии, эвакуированных из Крыма в конце 1920 г., описана как в воспоминаниях очевидцев, так и в более поздних исследованиях. Из первых наиболее полными можно считать «259 дней Лемносского сидения» С. Рытченкова¹ и сборник «Казачи в Чаталдже и на Лемносе в 1920–1921 гг.»². Также интересны воспоминания И. Сагацкого «Лейб-казаки на Лемносе»³, Д. Туржанского «Дневник поручика»⁴, очерки В. Даватца и Н. Львова «Русская армия на чужбине»⁵, П. Шатилова «Расселение армии по Балканским странам»⁶ и др. В связи с данной публикацией особенно важны «Записки белого офицера» Э. Гиацинтова⁷, поскольку по многим признакам можно уверенно предположить, что перед эвакуацией Крыма и в начале «Лемносского сидения» он служил в той же части (Учебно-запасной кубанской батарее), что и К. Остапенко⁸.

Некоторые из этих мемуаров («Русская Армия на чужбине», «Казачи в Чаталдже и на Лемносе», два очерка Сагацкого, отрывок из воспоминаний Гиацинтова) были в 2003 г. переизданы в сборнике «Русская Армия на чужбине. Галлиполийская эпопея»⁹. Для удобства ссылки на них будут даны по этому изданию, вместо раритетных эмигрантских.

Из числа же современных публикаций стоит особо отметить книгу Л. Решетникова «Русский Лемнос», уже несколько раз переизданную¹⁰. Также в последние десятилетия ряд авторов (С. Попова¹¹, Н. Карпов¹², С. Ауский¹³, И. Белоконь¹⁴, О. Ратушняк¹⁵, И. Ряховская¹⁶, Б.

¹ Рытченков С. В. 259 дней Лемносского сидения. Париж, 1933. Повествование в основном касается жизни Атаманского военного училища, в котором служил автор.

² Казачи в Чаталдже и на Лемносе в 1920–1921 гг. Белград: изд. Донской исторической комиссии, 1924.

³ Сагацкий И. Лейб-казаки на Лемносе // Родимый Край. 1974. № 114. Эти воспоминания основаны на его же дневнике, к тому времени большей частью утерянном, но частично сохранившемся в архиве Донского Лейб-гвардии Сводно-казачьего полка и изданном в 1961 г. под названием «На Лемносе» в № 47–48 журнала «Военная быль». На Лемносе Сагацкий был с 16/29 января по 4/17 июня 1921 г.

⁴ Туржанский С. Л. Дневник поручика, младшего офицера Семилетовской батареи Сводно-Партизанской дивизии Донской армии с 30 ноября 1919 г. по 28 сентября 1921 г. // Первопоходник. 1976. № 29–32. На Лемносе Туржанский был с 2/15 января по 27 августа / 9 сентября 1921 г.

⁵ Даватц В. Х., Львов Н. Н. Русская Армия на чужбине. Белград, 1923.

⁶ Шатилов П. Н. Расселение армии по Балканским странам // Военно-исторический вестник, № 38–41. Переиздано в сборнике «Русская армия в изгнании» (М.: Центрполиграф, 2003).

⁷ Гиацинтов Э. Н. Записки белого офицера. СПб.: Интерполиграфцентр СПбФК, 1992. На Лемносе Гиацинтов был с 9/22 ноября 1920 г. примерно до начала января 1921 г. (поскольку помнит визит на остров ген. Врангеля, бывший 4/17 декабря), после чего записался во Французский Иностраннный легион и покинул остров.

⁸ Судя по всему, знакомы они не были: батарея была большая (около 500 человек), при этом, наверное, Э. Гиацинтов был в кругу бывших марковцев, а К. Остапенко – в кругу терцев.

⁹ Русская Армия на чужбине. Галлиполийская эпопея. М.: Центрполиграф, 2003.

¹⁰ Решетников Л. П. Русский Лемнос: исторический очерк. 3-е изд., испр. и доп. М.: ФИВ, 2012.

¹¹ Франция и проблема возвращения врангелевцев в Советскую Россию в 1921 году: Документы из архивов военного и

Баньи¹⁷ и др.) опубликовали результаты исследований, тоже в той или иной мере затрагивающих тему русской эмиграции на Лемносе. Некоторые «лемносские» документы собраны в 1-м и 3-м томах серии «Русская военная эмиграция»¹⁸.

Отдельная история участия в Белом движении и эмигрантской судьбы казаков-терцев пока еще, к сожалению, не написана. Ее фрагменты рассыпаны по страницам журнала «Родной Терек»¹⁹, других казачьих журналов, некоторые детали можно найти в работах Ф. Киреева²⁰ и других авторов.

Настоящая публикация станет, надеемся, ценным дополнением к уже известным источникам. Во-первых, она описывает жизнь на Лемносе Терско-Астраханского полка, почти неизвестную по другим текстам. Во-вторых, в значительной мере это не воспоминания, а дневник, передающий события и впечатления «в реальном времени»²¹.

морского министерств Франции» / Публ. и коммент. С. С. Поповой // Россия и Франция, XVIII–XX века. М.: Наука, 1998. Вып. 2. С. 241–271.

¹² Карпов Н. Д. Крым – Галлиполи – Балканы. М.: Русский путь, 1998.

¹³ Aisky S.A. Kozáci. Praha: Academia, 1999. В русском переводе: Ауский С. А. Казаки. Особое сословие. СПб: Нева, 2002.

¹⁴ Белоконов И. А. Дипломатическая борьба П. Н. Врангеля за переброску Русской армии в Болгарию и Королевство СХС (1921–1922 гг.) // Новый исторический вестник. 2004. № 2 (11). С. 159–173.

¹⁵ Ратушняк О. В. Казаки в Чаталджинских лагерях и на Лемносе // Кубанский сборник. 2006. № 1 (22). С. 195–209.

¹⁶ Ряховская И. С. Эмиграция Русской армии генерала П. Н. Врангеля: 1920–1923 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2009.

¹⁷ Баньи Б. Лемнос, казачий остров // Журнал русского мира. 2009. № 1. С. 187–230 (*Bagni Bruno. Lemnos, l'île aux Cosaques. Cahiers du monde russe.* 2009. № 1. Pp.187–230). Как и С. Попова, автор основывается на французских военных архивах, из чего следует довольно критическое отношение к казакам и генералитету Русской армии, в том числе к ген. Врангелю.

¹⁸ Русская военная эмиграция 20-х – 40-х гг. Документы и материалы. Т. 1: Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Книга первая: Исход; книга вторая: На чужбине. М.: Гея, 1998. Т. 3: Возвращение. М.: Триада-ф, 2002.

¹⁹ Издавался с 1970 г. в Нью-Йорке правлением Союза Терских казаков, периодичностью примерно 1 номер в год.

²⁰ См., например: Киреев Ф. С. Герои и подвиги: уроженцы Осетии в Первой мировой войне. Владикавказ: Ир, 2010; Киреев Ф. С. Осетинский феномен в истории Терского казачьего войска // Дарьял. 2003. № 5 (59). С. 271–283.

²¹ В отличие от писем К. Остапенко, первое из которых можно датировать январем – февралем 1921 г., его дневник был начат только в конце апреля, и его начало было воспоминаниями о недавних событиях. Возможно, общая скудность жизни на Лемносе до этого не позволяла ему найти не только силы и время, но даже и бумагу и карандаш.

Оригиналы дневника и писем

Главным источником были оригиналы дневника и писем К. Остапенко, хранящиеся у Александра Алексеевича Коновалова (Бельгия). После кончины К. Остапенко на Лемносе эти бумаги и несколько личных вещей были переданы сослуживцами одному из его братьев, Николаю, жившему тогда в Болгарии, а с конца 1920-х – в Греции. Неизвестно, когда (возможно, после Второй мировой войны) он передал их другому брату, Владимиру, жившему в Бельгии. В свою очередь, В. Остапенко был другом Алексея Васильевича Коновалова (1908–1962) и Каролины ван Ставерен (1917–2005) и «дядей» (он был женат на тете К. ван Ставерен, Евлалии Бóгарт) их детей: Сергея (1941–2003)²², Александра (род. в 1944) и Надежды (1945–2011). После кончины сестры среди ее бумаг Александр Коновалов и нашел эти дневник и письма. Неизвестно, достались ли они ей напрямую от В. Остапенко (возможно, после его кончины в 1971 г.) или же в 2003 г. из архива старшего брата, Сергея.

Оригинал дневника написан на двух тонких линованных школьных тетрадях без обложек, с листами размером 15×19 см. Записи большей частью сделаны простым черным карандашом (и в этом случае иногда сильно затерты, почти до полной неразборчивости), а на нескольких страницах – синим химическим карандашом (в большей части этого отрывка строки сильно выцвели и иногда расплылись, видимо от влаги). Страницы не пронумерованы.

Письма тоже были написаны иногда простым карандашом, а иногда синим химическим, на бланках Американского Красного Креста или на простой бумаге. Письма В. Треугафта, сообщающие о кончине К. Остапенко, написаны на простой бумаге или тетрадных листах в клеточку, синим карандашом.

В отличие от почерка В. Треугафта, почерк К. Остапенко очень неразборчив, особенно когда он был болен. Если бы не расшифровки, предпринятые его братьями, прочтение оригинала человеком, незнакомым с особенностями этого почерка, было бы чрезвычайно трудным делом.

Эти расшифровки помогли восстановить и два отрывка дневника, утраченные в подлиннике. Это самое его начало (16/29 октября 1920 г.), а также описание событий второй половины апреля 1921 г. К сожалению, несколько страниц второго отрывка (рассказ о событиях 18–21 апреля 1921 г. ст. ст.) были утрачены, очевидно, еще до самой первой расшифровки 1926 г., и восстановить их уже невозможно. Положение этих отрывков в тексте указано особыми сносками.

---

²² Сергей (Коновалов), в 1993–2003 гг. архиепископ Евкарпийский, управляющий Западноевропейским экзархатом русских приходов Константинопольского Патриархата.

Расшифровка Н. Остапенко (1926 г.)

Примерно в 1923–1926 гг. Н. Остапенко сделал расшифровку дневника своего покойного брата и в мае 1926 г. послал ее в пражский Русский заграничный исторический архив (РЗИА)²³. В 1946 г. она, вместе с большинством материалов РЗИА, попала в «эмигрантский» фонд Государственного архива России, где и хранится²⁴. Написана она синими чернилами на линованной бумаге, почерк хорошо разборчив, страницы пронумерованы. Изредка присутствуют незначительные зачеркивания и исправления.

Несмотря на то, что в конце расшифровки сказано «С подлинного переписал Николай Михайлович Остапенко», при близком сравнении ее с подлинником сразу заметно, что Н. Остапенко внес в текст некоторые изменения. Кое-что упущено, причем явно намеренно, дабы не подвергнуть опасности или не оскорбить лиц, упомянутых в подлиннике. Так, в самом начале расшифровки отсутствуют фамилия и адрес человека, которому К. Остапенко оставил на хранение первую часть своего дневника. Вместо этого написано просто: «Дневник остался в гор. Геническе». Далее, уже при описании жизни на Лемносе, сокращены до первых букв фамилии двух офицеров, в апреле – мае 1921 г. совершивших поступки, по мнению К. Остапенко сомнительные с этической точки зрения.

Остальные разночтения можно объяснить литературной обработкой. Большинство из них не приносят в текст нового смысла. Например, вместо «в настоящий момент» Н. Остапенко пишет «сейчас», вместо «телеги» – «подводы» и т. п. Несмотря на это, чтобы дать читателю возможность максимально приблизиться к исходному тексту К. Остапенко, все эти изменения были убраны без оговорок, и текст следует подлиннику. Исключения составляют упомянутые выше утраченные фрагменты оригинала, в основном восстановленные по расшифровке Н. Остапенко. Только отдельные разночтения, например, при неразборчивости текста в оригинале, упомянуты в сносках.

---

²³ Переписку Н. Остапенко с дирекцией РЗИА (Prague, Slavonic Library, T-RZIA 6-1247) по вопросу приобретения этой расшифровки см. в конце раздела «Письма». Поскольку РЗИА был образован в начале 1923 г., то, скорее всего, Н. Остапенко начал расшифровку не раньше этого времени.

²⁴ *Остапенко К. М.* Отступление из г. Геническа. Эвакуация Крыма. Лемнос. Воспоминания // ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 551. 41 л. На лицевом листе рукой Н. Остапенко написано: «Отступление из гор. Геническа. Эвакуация Крыма. Лемнос. Дневник Сотника Терско-Астраханского полка Константина Михайловича Остапенко».

Расшифровка В. Остапенко (1963 г.)

В начале 1960-х В. Остапенко попытался (наверное, зная о расшифровке 1926 г., но считая ее утраченной или, по крайней мере, ставшей надолго недоступной) сделать свою расшифровку дневника (а также большей части писем). Она хранится у А. Коновалова и тоже была использована при подготовке книги, но в меньшей степени, чем расшифровка Н. Остапенко. Причина в том, что у В. Остапенко гораздо больше пропусков, неправильно понятых фамилий (например, «Цугулаев» вместо «Цугулиев») и тому подобных недостатков, обусловленных, видимо, тем, что к началу 1960-х страницы уже пожелтели, текст выцвел, а сам В. Остапенко был уже в довольно почтенном возрасте.

Вместе с тем заметно, что в успешно расшифрованных местах он допускал меньше отклонений от подлинника в сравнении с довольно заметной литературной обработкой в варианте Н. Остапенко. Поэтому есть подозрение, что расшифровка В. Остапенко находится ближе к исходному тексту и для тех фрагментов оригинала, которые были позже утеряны. Но, поскольку опять-таки почти все разночтения касаются только формы текста, а не смысла, для публикации этих фрагментов был принят вариант Н. Остапенко как наиболее полный. Исключения составляют упомянутые выше детали, которые намеренно упущены или сокращены у Н. Остапенко, но даны полностью у В. Остапенко.

Для иллюстрации разночтений можно привести такие примеры: в начале второго параграфа у В. Остапенко стоит «как сейчас помнится», а у Н. Остапенко – «как сейчас помню»; в конце этого же параграфа – «жутко было ложиться спать в эту ночь» и «жутко было ложиться мне в эту ночь».

Расшифровка В. Остапенко озаглавлена как «Лемносский дневник моего брата Константина Михайловича Остапенко, офицера Добровольческой Армии в частях Терского Казачьего Войска, умершего на острове Лемнос 23-го августа 1921 года за два дня до отъезда его части в Болгарию и похороненного там же на острове Лемнос» и подписана: «Владимир Остапенко, 1963 год, гор. Лувен в Бельгии». Из этого заглавия и было взято название книги.

Расшифровка писем, сделанная В. Остапенко, была нами сверена с подлинниками и в случае ясных разногласий исправлена.

Особенности обработки текста

Оригинальный текст дневника представлял, помимо неразборчивого почерка и физических повреждений, и другие трудности для набора. Во-первых, в нем полностью отсутствует разбивка на абзацы, что повторено и в расшифровке Н. Остапенко, и почти всегда в расшифровке В. Остапенко. Во-вторых, заметно пренебрежение к знакам препинания, в том числе точкам, и часто слабое выделение заглавных букв, из-за чего иногда трудно уловить конец одного предложения и начало нового. Ввиду этого и Н. Остапенко, и В. Остапенко разбивали текст по своему усмотрению по-разному. Хотя мы в целом старались в этом придерживаться их вариантов расшифровки, разбивка текста была сделана новой, также и пунктуация частично была приведена к современной.

Старая орфография не сохранена, но оставлено свойственное тому времени употребление заглавных букв (например, «Терцы»), которому, впрочем, К. Остапенко следует не всегда. Для лучшей смысловой связи иногда сделаны небольшие вставки в квадратных скобках. В таких же скобках раскрыто большинство сокращений, кроме общеупотребительных от слов «полковник», «генерал» и некоторых других. Пропуски и неразборчивые места отмечены и прокомментированы в угловых скобках.

В подлиннике кавычки используются редко и без системы (например, название парохода на одной странице может стоять в кавычках, а на другой – без), что исправлено без оговорок.

Почти все даты в подлиннике дневника приведены по юлианскому календарю. В письмах же даты часто даны одновременно и по новому, и по старому стилю. Эти особенности сохранены при наборе.

Биографический материал

Ввиду множества упомянутых имен и фамилий все биографические справки вынесены в отдельный раздел в конце книги. Большинство их составлено по книгам С. Волкова, преимущественно по его «казачьему» справочнику²⁵. Курсивом отмечено, в каких местах дневника и в каких письмах упомянут тот или иной персонаж. Поскольку целью было дать общие сведения об их судьбе, то подробности (например, точные даты) и ссылки на источники упущены для краткости. Исключение составляют биографии самих братьев Остапенко, для которых мы постарались собрать все доступные сведения. К сожалению, ни Н. Остапенко, ни В. Остапенко, расшифровав дневник своего брата, не оставили даже краткой его биографии. Не оставили они и собственных биографий (и были бездетны, так что уточнить их уже не у кого). Поэтому жизненный путь всех трех братьев известен очень приблизительно, с большими «белыми пятнами». Например, неизвестна даже дата рождения К. Остапенко²⁶.

По объективным причинам не удалось просмотреть архивы штаба Терско-Астраханского полка 1921–1925 гг.²⁷ и штаба Офицерской артиллерийской школы 1918–1932 гг.²⁸ Возможно, в них содержатся дополнительные биографические сведения о К. и В. Остапенко.

---

²⁵ Волков С. В. Офицеры казачьих войск. Опыт мартиролога. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013.

²⁶ Так как в дневнике и письмах конца октября 1920 г. – конца июля 1921 г. он ни разу не вспоминает о своем дне рождения, а в табличке на его могиле, установленной в конце августа, указано, что ему все еще «26 лет от роду» (а родился он в 1895 г.), то можно предположить, что родился он в сентябре или первой половине октября 1895 г.

²⁷ ГА РФ. Ф. Р-6906. 1 оп. 17 ед. хр.

²⁸ ГА РФ. Ф. Р-5950. 1 оп. 33 ед. хр.

Иллюстрации

К сожалению, не удалось найти ни одной фотографии автора дневника. В одном из писем В. Треугафта сказано, что была сделана посмертная фотография К. Остапенко, но, видимо, и она не сохранилась. Поэтому в книге читатель увидит лишь несколько изображений двух его братьев, Николая и Владимира.

Включено также несколько фотографий из архива Чарльза Клафлина, в 1920–1923 гг. директора Юго-Западной базы Американского Красного Креста (Константинополь). Они были сняты, скорее всего, его подчиненным, лейтенантом Макнобом (в одном из лемноских воспоминаний сказано, что его часто видели с фотоаппаратом). Ныне эти фотографии, вместе с отчетом о работе Макноба на Лемносе (включенном в книгу в виде приложения), хранятся в библиотеке Школы права Гарвардского университета и доступны на ее сайте. Надеюсь, они помогут читателю немного «погрузиться» в тогдашнюю жизнь на острове, ощутить ее такой, какой ее мог видеть К. Остапенко.

Благодарности

Прежде всего, считаю своим долгом выразить глубокую благодарность хранителю дневника и писем, Александру Алексеевичу Коновалову (Бельгия), не только предоставившему подлинники этих текстов и семейные фотографии, но и написавшему небольшие воспоминания о В. М. Остапенко. Большую помощь также оказали: Олег Игоревич Бэйда (Москва), Сергей Владимирович Волков (Москва), Ирина Леонидовна Жалнина-Василькиоти (Афины), Дина Александровна Варакина (Генический краеведческий музей), Галина Анатольевна Кулясова (Феодосийский краеведческий музей), сотрудники Гос. архива России (особенно Евгения Васильева) и пражской Славянской библиотеки (особенно Ева Соколова).

Отдельная благодарность – Бруно Баньи, любезно разрешившему включить в состав книги, в виде введения, перевод своей статьи «Лемнос, казачий остров».

В заключение позволю себе, с некоторым дерзновением, повторить слова атамана Богаевского из его предисловия к уже упомянутой книге «Казачи в Чаталдже и на Лемносе»: «Долговечны не монументы из камня, бронзы и других материалов, а те, которые созданы словом и воспоминаниями. И в этом отношении память о Лемносе и Кабакдже²⁹ навсегда останется среди казачества, как Галлиполи – в Русской Армии, а книга эта – духовным памятником невзгод, пережитых казаками в изгнании»...

Виталий Койсин, июль 2014 г.

---

²⁹ Кабакджа – лагерь в Чаталджинском районе провинции Стамбул, близ Константинополя. Из-за тяжелых условий жизни был одним из символов страданий казачества в первые месяцы эмиграции.

Слово хранителя дневника

Дядюшка Владимир Михайлович Остапенко, сумевший, невзирая на скверное здоровье и вытекающее отсюда влечение к постоянному лежанию на «досадной укушетке», хотя бы частично расшифровать и переписать то, что мы сейчас называем «Лемносским дневником» его брата Константина, был мужем тетки моей мамы (бельгийско-голландская ветвь нашей семьи). Родным дядей он не был, но, несмотря на это, все мы, дети, – и старший брат Сергей, будущий архиепископ Евкарпийский Сергей, и сестрица Надя, и я сам, – звали его просто «дядей», тогда как все друзья и знакомые отца были для нас «дядей Федей Любимовым» или «дядей Колей Колесниковым» (равно как и его тезка Березовский), или «дядей Митей Горбатовым» и т. п. А Владимир Михайлович оставался просто «дядей» – единственным и, значит, исключительным.

Родился он 23 января 1901 г. н. ст. в Алешках, что напротив Херсона, где его отец был акцизным чиновником. Отца затем направили на службу во Владикавказ, где дядя с братьями провели вплоть до Гражданской войны свои отроческие годы. Дядюшка считал себя «кавказским человеком», любил рассказывать про гимназические походы в горы, о горцах и аулах. Недаром его любимым писателем оставался Лермонтов – свой, кавказский...

Об участии своем в «гражданке», эвакуации и болгарской «каторге» он нам рассказывал весьма скупое, видимо, не желая смущать ребятишек излишними жестокими деталями. После болгарского «сидения» он попал в Бельгию, где некоторое время трудился на шахтах в Лимбурге (Звартберг), а затем в 1928 г. сумел поступить в Лёвенский католический университет. Окончив высшее образование со званием инженера в 1936 г. (с грехом пополам, поскольку его французский был невообразимо смешон), он первое время работал в Брабантской электрокомпании и разъезжал на своем «валисипеде» по окрестностям нашего Лёвена, проверяя трансформаторные будки. Затем определился в университет, на факультет химических наук, где и прослужил до ухода на пенсию заведующим лабораторией у профессора Сметса.

В душе он остался русским до самого конца, что явствует, между прочим, из того факта, что он не пожелал подавать заявку на бельгийское гражданство, и таким образом до конца жизни остался апатридом, человеком без гражданства. Его русскость, связанная с неимоверным человеколюбием и добротой, подтверждается и тем, что в первые послевоенные годы у дяди и тетушки Евлалии Эдуардовны трудилась домработницей некая Дуся, из «остарбайтеров». А после кончины нашего отца дядя (будучи уже вдовцом) всецело посвятил себя нашей осиротевшей семье. Но и раньше наша жизнь, я имею в виду детей, тоже была как-то немислима без присутствия и участия дяди. Да и для «русского Лёвена» в целом, поскольку он долгое время был старостой лёвенского православного храма во имя святых Георгия и Татьяны.

Несмотря на прескверный музыкальный слух и полнейшее неумение петь, он ужасно любил оперу и неоднократно возил меня в Брюссель, в Театр де ля Монэ, где платил за лучшие места в партере! А ночные походы, особенно в полнолуние, по Арденнским лесам, без карт и без компаса, конечно – это просто наслаждение... Вот таким человеком и остается в моей памяти дядюшка Владимир Остапенко.

После его кончины 23 июня 1971 г. в старческом доме в брюссельском пригороде Везембеек-Оппем его немногочисленный архив попал в руки сестры Надюши (я служил тогда в Бельгийском посольстве в Москве), а после ее кончины достался мне. Многого в нем уже недостает. Между прочими реликвиями потерялись письмо матери (кажется, из Владикавказа в Болгарию) своим сыновьям в эмиграции. Как помню, оно было на французском языке и начиналось словами «Мои дорогие сыновья...». Уже не найти и сведений о фрау Барбаре Собесцианской, дряхлой старушке из Бремена, приезжавшей раз или два в гости в Лёвен, сразу после войны.

Все ее звали «бабушкой», но была ли она бабушкой братьев Остапенко или тетей, или кем-то еще – неясно...

Осталась лишь одна открытка, с видом озера Туманлы-Кель, посланная дяде Володе на его адрес в Лёвене (rue de Malines, 161). К сожалению, обратного адреса на ней нет. Даты нет тоже, но из содержания понятно, что получена она была в годы его обучения в Лёвене: «Дорогой мой Водя. Я жду обещанных так давно снимков твоего университета, нового здания и твоей [фото]карточки. Как тебе не стыдно не исполнять твоих обещаний, да еще родной матери. Исправься и наконец исполни мое желание, а кроме того, пиши. Ты меня совсем не балуешь частыми письмами. Держишь ли ты экзамены? Пиши, прошу тебя, а пока целую тебя крепко. Мама».

Моему другу Виталию Койсину удалось привести в порядок дневник и сохранившиеся письма из моего скромного архива, за что приношу ему искреннюю благодарность.

*А. А. Коновалов,
3 июля 2014 г.*

Бруно Баньи Лемнос, казачий остров³⁰

Лемнос? – Редко говорят об этом одиноком островке на севере Эгейского моря, на полпути между островами Лесбос и Фасос, в ста километрах от Фракийского побережья. Его административный центр, Мудрос, – не более чем крупное село с 1700 жителями. В отличие от других греческих островов, живущих за счет туризма, Лемнос не особенно процветает. Он был союзной военно-морской базой во время катастрофической Дарданелльской кампании 1915 г. Именно на Лемносе в октябре 1918 г. было заключено перемирие между Антантой и Турцией. Но, похоже, все забыли о том, что в 1920–1921 гг. Лемнос был убежищем для многих тысяч казаков, покинувших Россию под конец Гражданской войны, после победоносного наступления Красной армии на Юге страны. Почему они попали именно на Лемнос? Как им удалось выжить на этом бедном и безводном острове? При каких обстоятельствах они его покинули? История «транзита» казачьих войск армии ген. Врангеля через Лемнос до сих пор основывалась преимущественно на российских архивах и свидетельствах. Как правило, действия французских властей описываются тут скорее отрицательно. Но разборка французских архивов, в первую очередь военных, по-иному освещает этот эпизод казачьего рассеяния, описывая с надлежащей строгостью поведение русских, подтверждая серьезность разногласий или недоумений между русскими и французами.

Осень 1920 г. С апреля Белая армия ген. Врангеля в Крыму оказывает сопротивление красным. Но 10 ноября они прорывают фронт и рвутся к Севастополю. Остановить их наступление уже невозможно, и Врангель отдает приказ об эвакуации Крыма. Около 150 тысяч беженцев покидают Россию, в том числе и несколько десятков тысяч казаков. На врангелевских судах насчитывают кубанцев 19 500, донцов 26 500, несколько сот терцев и астраханцев и около 2000 калмыков³¹.

Эвакуация проходит под наблюдением французского флота. Из всех союзных держав лишь французское правительство признало правительство ген. Врангеля и оказывало ему материально-техническую помощь через близкую к России военно-морскую базу. По заключении перемирия войска Антанты оккупируют Константинополь и регулярно патрулируют по Черному морю. Таким образом, в ноябре 1920 г. российские беженцы попадают в столицу побежденную и оккупированную. Для французского правительства ясно, что Русская армия как таковая перестала существовать, и что ее солдат надо рассматривать как простых беженцев. Военное и военно-морское руководство Франции придерживается иного мнения: рассеять армию без надежды на работу значит превратить Константинополь в кошмар! Поэтому военные выступают за сохранение военной дисциплины под начальством русских офицеров, дабы избежать превращения армии в потенциальных наемников, в «большие компании»³². Военные выступают также за постепенное рассеяние беженцев по странам, согласным их принять. Скрепя сердце, правительство Франции соглашается со всеми доводами.

Будучи тонким тактиком, ген. Врангель воспользовался оставленной французским командованием лазейкой и всеми силами противился «распылению» армии. Пропаганда, психологический нажим, угроза – все средства хороши для сохранения стойкого ядра Белой

---

³⁰ Перевод А. А. Коновалова. Оригинальная публикация на фр. языке: Bagni Bruno, *Lemnos, l'île aux Cosaques*, Cahiers du monde russe, 2009/1, pp. 187–230.

³¹ Service historique de la Marine à Vincennes (SHMV, Венсенский военно-морской архив), 1BB4 17, письмо 125 вице-адмирала де Бона морскому министру от 12.12.1920.

³² Фр. «Grandes compagnies» – историческое название наемных дружин, разорявших Францию во время Столетней войны. – Прим. В. Е. Койсина.

армии. Врангель мечтает о возобновлении борьбы с Советами, о захвате власти в случае, если власть большевиков пала бы сама собой.

Итак, пребывание казаков на Лемносе, а длилось оно целый год, характеризуется постоянным противоборством между Врангелем со штабом и французским руководством. Последнему хотелось бы поскорее избавиться от этих беженцев, чье обслуживание и снабжение оказываются не по карману для бюджета Франции.

Итак, ниже следует история этого противостояния, скрытой, но серьезной борьбы, исход которой определит дальнейшую судьбу многих тысяч людей.

Возникновение Лемносского лагеря

Головоломка: как быть с беженцами?

Всего за одну неделю в Константинополь на 130 судах прибыла невообразимая масса беженцев, 150 000 человек, в ужасных санитарных условиях. Французские власти в Константинополе не знают, что делать с ними. Позволить им сойти на берег просто немыслимо: город и так набит беженцами, в Турции бушует гражданская война, и под контролем Мустафы Кемаля – чуть ли не вся Анатолия.

Необходимо удалить как можно скорее всех русских из этого взрывоопасного региона. Военные корабли направляются в Бизерту, а насчет военных и гражданских лиц Франция обращается к Балканским странам. Но принять в это послевоенное время столько людей этим государствам просто не по силам. Румыния согласна предоставить убежище 2000 человек, Греция – 1700, Болгария – 3800, и только Сербия, верная своей русофильской политике, соглашается принять 22 300 человек. Включая Тунис, это составляет на 1 января 1921 г. не более 34 000. Но где поселить и как накормить еще 100 000 человек? В страхе перед призраком возрождения «Восточного вопроса»³³ англичане и французы стремятся удалить всех военных из Константинополя, но куда? Вот в чем затруднение...

Избирается о. Лемнос

14 ноября 1920 г., в день прибытия первой части беженцев в Босфор, английское правительство объявляет, что оно «отказывает им в любой поддержке и не примет их ни на Лемнос, ни на Крит, ни в Египет». На самом деле Ллойд Джордж не простил ген. Врангелю, что тот отказал ему в посредничестве в переговорах о заключении мира с Советами. Дабы всем было ясно, Foreign Office добавил, что «ответственность падает исключительно на французское правительство, так как оно, и только оно, признало правительство Врангеля». Генерал Нэраль де Бургон комментирует: «Ясно и сердечно... словно пощечина»³⁴. Дефранс, Верховный комиссар Франции в Константинополе, решает тогда устроить большой, барачного типа лагерь на полуострове Галлиполи. А пока решено не допустить высадки ни одного беженца, за исключением раненых, больных, женщин и детей³⁵.

Грубость лондонского правительства шокирует английских военных. Ведь долгое время они были главной поддержкой белых! Уже 15 ноября Верховный комиссар Великобритании де Робек сообщает своему французскому коллеге, что «настоящие инструкции недостойны британского правительства» и что «речь тут ни о нейтральности, ни о [...] политике, а исключительно о [...] человеколюбии». Он обещает французам всю возможную поддержку «без открытого нарушения директив» и добавляет, что генерал Харрингтон, командующий английскими войсками в Константинополе, «полностью придерживается такого же мнения» и «готов предоставить наличное снаряжение»³⁶.

---

³³ Условное название комплекса противоречий в борьбе великих держав конца XVII – начала XX в., связанных с распадом Османской империи. – Прим. В. Е. Койсина.

³⁴ Pierre-Émile Nayral de Bourgon, *10 ans de souvenirs 1914–1924*, Nîmes: imprimerie Chastanier frères et Almeras, 1932 (*Де Бургон Н.* 10 лет службы в 1914–1924 гг. Ним: типография братьев Шастанье и Альмерас, 1932).

³⁵ SHMV, 1BB7 159, срочная телеграмма 1556–1557–1558 Дефранса Министерству иностранных дел от 14.11.1920.

³⁶ Ibid., срочная телеграмма 1560–1561 Дефранса Министерству иностранных дел от 15.11.1920.

Суда с беженцами продолжают прибывать в Константинополь в ужасных санитарных условиях, наблюдаются случаи асфиксий из-за тесноты, грозят бунты³⁷. 17 ноября Дефранс сообщает англичанам, что ввиду настоящего кризиса он готов взять на себя ответственность за высадку беженцев на о. Лемнос, даже без разрешения Лондона. Очень скоро Foreign Office дает, наконец, свое согласие, но при условии, что Франция берет на себя «все расходы и всю ответственность»³⁸. Итак, все казаки (35–40 тысяч) направляются на Лемнос, а регулярные части будут расквартированы в Галлиполи. Гражданские же лица, как менее опасные, будут распределены по различным лагерям вблизи Константинополя.

Почему именно Лемнос? Будучи до 1914 г. частью Османской империи, но с греческим населением, остров стал частью Греции, но пока что под английской оккупацией. Во время Дарданелльской кампании Лемнос был тыловой базой. Во время Гражданской войны в России англичане устроили на нем беженский лагерь, около деревни Мудрос. В 1920 г. от этого лагеря осталось не более 1600 палаток плюс бараки, всего на 10 000 человек³⁹. Хотя Лемнос почти безводен, но при помощи водопроводной системы лагерь получал 50 000 литров воды в сутки из центральной части острова; недостающая вода получалась от опреснительной станции. В сумме для 10 000 человек это давало от 15 до 17 литров в сутки на человека. Кроме того, Российский Красный Крест располагал оборудованным госпиталем на 200 коек и двумя установками для дезинфекции⁴⁰.

Первые меры принимаются уже на следующий день по получении от англичан «зеленой улицы». На Лемнос отправляются только организованные соединения с офицерами, а также русский медицинский и интендантский персонал. Снабжение осуществляется французской армией, доставка – флотом. Французский комендант лагеря имеет в своем распоряжении четырех офицеров, представителя интендантства и роту сенегальских стрелков. Русский комендант полностью подчиняется французскому.

Флот предоставляет один корабль-стационар⁴¹ (авизо) для поддержания порядка, морских операций, снабжения и устройства лагерей⁴². Начальником лагеря назначается ген. Бруссо. Он владеет русским языком и знаком со славянским миром, так как во время Великой войны участвовал в эвакуации и последующем возрождении сербской армии. После признания Францией правительства ген. Врангеля он назначен главой французской военной миссии при Главнокомандующем, эвакуировался из Крыма одновременно с казаками и прибыл на Лемнос 21 ноября 1921 г.⁴³ Первой задачей была оценка возможностей в кратчайший срок разместить на Лемносе дополнительно 20 000 казаков⁴⁴. А со временем Франция рассчитывает поселить тут 60 000 человек!

³⁷ Ibid., срочная телеграмма 1582 Дефранса Министерству иностранных дел от 18.11.1920.

³⁸ Ibid., срочная телеграмма 1579 Дефранса Министерству иностранных дел от 17.11.1920.

³⁹ Service historique de la Marine à Toulon (SHMT, Тулонский военно-морской архив), 56 С 59–60, служебная записка 2399/3 Командующему французским оккупационным корпусом в Константинополе (Corps d'occupation français de Constantinople, СОС) от 18.11.1920.

⁴⁰ Ibid., 57 С 11, рапорт № 2 Миссии по размещению русских беженцев на Лемносе, 19.11.1920.

⁴¹ Корабль, находящийся на стоянке в иностранном порту, с целью охраны или наблюдения за порядком. – Прим. В. Е. Койсина.

⁴² Ibid., С 12–13, инструкции № 203 капитана Вандье стационару у Мудроса, 03.12.1920.

⁴³ Jean Bernachot, *Les armées françaises en Orient après l'armistice de 1918*, P.: Imprimerie nationale, 1972, p. 92 (Бернашот Ж. Французские вооруженные силы на Востоке после перемирия 1918 г. Париж: Государственная типография, 1972, С. 92).

⁴⁴ SHMT, 56 С 59–60, служебная записка 2399/3 Командующего СОС от 18.11.1920.

Лагеря в Чаталдже

Однако время не терпит: беженцы на судах на рейде Моды⁴⁵ подвергнуты серьезному риску эпидемии. Решено организовать другой казачий лагерь во Фракии, в Чаталдже, под начальством майора Тэссэра. Донцы направятся в Чаталджу, кубанцы – на Лемнос. Перевозка беженцев по железной дороге начинается 22 ноября⁴⁶, а 28 ноября лагерь уже насчитывает 28 000 казаков, мужчин, женщин и детей под начальством генерала Абрамова. Не высадилось пока 5000 человек.

Чаталджинский лагерь на самом деле состоит из трех отдельных лагерей. Тот, что в Кабадже, на 4000 человек, находится в 35 км на северо-западе от г. Хадем Кеви, а Чилингирский, на 8000 человек, в 7 км от того же города. Оба лагеря использовали заброшенные фермы, где когда-то разводили шелковичных червей. Лагерь в Санджак-Тепе, на 4000 человек, расположен в 2 км севернее. Это старая казарма. По словам атамана Богаевского, казаки живут в весьма опасных гигиенических условиях: скученность, плохое питание, отсутствие медикаментов⁴⁷. Пол Робинсон, описывая Чилингирский лагерь, говорит о «царстве тесноты и холеры»⁴⁸. Английский писатель Филип Лонгворт, без ссылок на источники, пишет об ужасных условиях жизни: «Крыши бараков кишат клопами [...], протекают, полы загажены. Коек нет, умыться негде. Кому не повезло найти местечко в бараке, тому приходится довольствоваться норой в мерзлой земле»⁴⁹. Трудно сказать, где автор преувеличивает. Но все же жизненные условия были не из лучших, а это были только «цветочки» в ожидании воссоединения всех казаков на Лемносе.

На Лемнос прибывают кубанцы

21 ноября на Лемнос прибывает пароход «Владимир». На нем 8500 кубанцев. «По мере приближения, – свидетельствует очевидец, – нам открывается вид на желтоватую, лишенную растительности землю. Лишь один ее вид действует удручающе. [...] Мы высаживаемся на полуострове, соединенным с островом узким перешейком. [...] Видно одно большое здание, опреснитель морской воды, а рядом несколько деревянных бараков. Чуть подальше большой деревянный сарай; стены замазаны дегтем. [...] Каждый из нас получает по куску хлеба и баночку паштета, первая пища за 4 дня! Затем нам выдали палатки на 10 человек и указали место, где разбить лагерь. Скоро возник целый палаточный городок, и остров приобрел менее отталкивающий вид. Стояла холодная погода, и мы дрожали в наших палатках, несмотря на то, что они были английского производства, т. е. непромокаемые и с отличной подкладкой. [...] Около полуночи нас разбудил ужасный шум: крики, треск отрываемых досок. Все выбежали, и при свете луны нам предстало удивительное зрелище: рушили сарай! Казаки, страдавшие от холода в своих палатках, решили использовать единственные дрова на острове [...] К утру сарая уже не стало, а был он размером 100×10×6! Казаки весьма хитроумны: несметное количество пустых бочек – то, что оставляют за собой современные армии, превратилось в самодельные печурки»⁵⁰.

---

⁴⁵ Мода – пригород Константинополя, на азиатском берегу Босфора. – Прим. В. Е. Койсина.

⁴⁶ Ibid., служебная записка 2427/3 Командующего СОС от 20.11.1920.

⁴⁷ Service historique de l'armée de terre (SHAT, Архив сухопутных войск), 20 N 1154, доклад 725/A полк. Руже Командующему СОС от 3.12.1920.

⁴⁸ Paul Robinson, *The White Army in Exile, 1920–1941*, Oxford: Oxford University Press, 2002, p. 35 (Робинсон П. Белая армия в изгнании, 1920–1941. Оксфорд: Типография Оксфордского университета, 2002, С. 35).

⁴⁹ Philip Longworth, *Les Cosaques*, P.: Albin Michel, 1972 (Лонгворт Ф. Казаки. Париж: изд-во Албен Мишель, 1972).

⁵⁰ Nicolas Svidine, *Le secret de Nicolas Svidine*, P.: Laffont, 1973, p. 108–110 (Русское издание: Свидин Н. М. Тайна казачьего

В течение следующих двух дней прибывают «Лазарев» (1200 человек) и «Дон» (6000 человек). Высаживают лишь 2000 человек в день, так как пристать в Мудросской бухте могут только суда с самой малой осадкой, и приходится организовать очереди на барки. 29 ноября прибывает ген. Фостиков и принимает командование над Лемносскими казачьими частями. В конце месяца на Лемнос для инспекции прибывает ген. Бургон, командующий французским оккупационным корпусом в Константинополе. Несмотря на критические условия, он считает положение весьма удовлетворительным. Парадоксально, но генерал хвалит дух и поведение казаков, «несмотря на их пассивность и на неучастие в устройстве и организации лагерей». Об офицерах, напротив, он отзывался строго: «Необходимо изъять часть их из состава войск и отправить подальше»⁵¹.

Бруссо также считает, что офицеров слишком много: «Приходится сознаться, что русские ничему не научились или не желают учиться у школы поражения, и что они намерены сохранить кадры и их вознаграждение на том же сверхуровне, как и раньше»⁵². Отметим, кстати, что артиллерийский отряд насчитывал 95 офицеров!⁵³

Переброска на Лемнос донцов

Решено перебросить, начиная с 3 декабря, 5000 донцов, оставшихся на судах на рейде Моды, не в Чаталджи, а на Лемнос. Первые донцы прибывают в Мудрос⁵⁴, но их селят отдельно от кубанцев: 5000 человек в лагере у самого Мудроса, 5000 в деревне Романо чуть севернее, и главный лагерь, 10 000 человек, южнее города. Из-за карантина вследствие эпидемии холеры в лагере Чилингир⁵⁵ казаки, находящиеся в Чаталджи, также направляются на Лемнос. Начало переброски намечено на 1 января 1921 г. Но принять их к назначенному сроку негде! Вот как описывает командир французского стационара положение в самом конце 1920 г.: «Казачий отряд в лагере Восточный Мудрос, 480 человек, был направлен на подготовку мест для эвакуированных. Но, несмотря на то, что на «Мариетте» за 3 рейса было доставлено около 500 штук гофрированных листов, ничего сделано не было [...] На 29 декабря этими листами просто был забит мол [...], а на деле, если считать по 4 человека на один лист и задействовать 200 человек, считая, что каждой команде необходим был один день, чтобы покрыть расстояние в один километр, эти листы могли быть давно на месте [...] Ввиду того, что постоянных французских офицеров в Восточном Мудросе нет, нельзя ожидать от русских особой прыти, тем более, что их кадры удобно расположились в бараках бывшего портового управления»⁵⁶.

Начало переброски откладывается до января, но тут возникает другая проблема, а именно обструкция русских властей. Председателю Совета Министров Жоржу Лэгу надоели эти чрезмерные расходы на помощь беженцам, и он решает, что с 1 февраля французская финансовая поддержка прекращается. Снабжать беженцев будет какое-то довольно туманное русское благотворительное общество.

Воспользовавшись этой неясностью, но также возмущенный тем, что с ним не советовались, ген. Врангель буквально до последнего дня отказывается отдать приказ о переброске казаков⁵⁷. В конце концов приказ отдан, но казаки боятся, что их перевезут на пустынный

офицера. Краснодар, 2002).

⁵¹ SHMV, 1BV7 159, срочная телеграмма 1661–1662 Дефранса Министерству иностранных дел от 01.12.1920.

⁵² SHAT, 20 N 1154, доклад 127/S ген. Бруссо Командующему СОС от 30.11.1920.

⁵³ Упрек не вполне справедливый, поскольку Русская армия в целом (и артиллерийские части тем более) в изгнании была, в общем-то, кадрированной. – Прим. В. Е. Койсина.

⁵⁴ SHMT, 57 C 10, приказ 1584 капитана Вандье, Командующего Восточно-средиземноморской эскадрой от 03.12.1920.

⁵⁵ Ibid., 56 C 59–60, письмо 2848/3 ген. Шарпи Командующему Восточно-средиземноморской эскадрой от 22.12.1920.

⁵⁶ Ibid., 57 C 27, доклад лейтенанта Тавера, капитана авизо «Дюшафо» от 31.12.1920.

⁵⁷ Archives diplomatiques du Quai d'Orsay (ADQO, Дипломатический архив на набережной д'Орсе), фонд «Европа 1918–40»,

остров без всякого снабжения. Возбуждение растет, и возникает перестрелка между казаками Калединского полка и французскими солдатами. В итоге ранено два француза и трое русских⁵⁸. Несколько сот беженцев скрылись в сельской местности, чтобы перебраться в Грецию⁵⁹. Турецкие власти отмечают многократные вооруженные ограбления и даже два убийства⁶⁰.

Но постепенно волнения утихают, и 13 января отправляется первая партия беженцев, 3000 человек. Неожиданно все приостанавливается «из-за задержки в устройстве дополнительных объектов в Мудросе, а также [...] из-за недостаточного энтузиазма, проявляемого русским командованием»⁶¹. Две новые партии во главе с ген. Абрамовым, командующим Донским корпусом, и его штабом, общей сложностью 6000 человек, переправляются 23 и 24 марта 1921 г. Других уже не будет. Несколько сотен донцов останутся в Кабадже до 6 декабря 1921, т. е. уже после закрытия Лемнонских лагерей.

дело «СССР 259», письмо 5051 ген. Врангеля ген. Шарпи от 10.01.1921.

⁵⁸ SHMV, 1 BV7 159, срочная телеграмма 70 Дефранса Министерству иностранных дел от 14.01.1921.

⁵⁹ Если верить Полю Робинсону, целых два эскадрона с офицерами.

⁶⁰ SHAT, 20 N 1154, письмо G26316 Министерства иностранных дел Высокой Порты Верховному комиссару Франции от 31.01.1921.

⁶¹ SHMT, 57 C 9, ежемесячный доклад Командующего Восточно-средиземноморской эскадрой Морскому министру, февраль 1921 г.

Повседневная жизнь на Лемносе

Отношения между казаками и французскими властями

Трудности во взаимоотношениях между французскими властями и русскими, характерные для всей истории «лемнонского транзита», вытекают в первую очередь из разногласий о судьбе Русской армии. А вопрос этот возник еще до прибытия первых ее частей в Константинополь. 30 ноября Совет Министров Франции принимает решение предоставить всем эвакуированным русским статус гражданских беженцев и ограничиться чисто гуманитарной помощью. Жорж Лэг объясняет это решение так: «Сохранение армии, не сумевшей воевать в Крыму, где у нее были базы снабжения, бесполезно с точки зрения чисто военной; рассчитывать на русские войска для борьбы с Советами, как и было доказано на опыте, не имеет смысла. Наоборот, сохранение армии было бы чревато самыми тяжелыми последствиями: трудности международного масштаба, опасность для регионов, где положение и без этого шатко и, наконец, расходы по содержанию и денежному довольствию не по силам бюджету Франции»⁶².

Генерал Врангель не согласен: «Применение к войскам режима индивидуальных гражданских беженцев жестоко подточило бы их дух и повлекло бы за собой безвозвратное их разложение и превращение в скопище из 70 000 человек, не поддающихся никакому разумному влиянию»⁶³.

Это мнение находит поддержку у французских военных властей в Константинополе. Разоружение неминуемо повлечет за собой праздность! Нэраль де Бургон «считает крайне опасным объявить сейчас о том, что они превращаются в гражданских беженцев, и находит необходимым обходиться с ними, как с солдатами»⁶⁴. А адмирал де Бон опасается возможного возникновения бандитизма или вступления русских в ряды кемалистов.

Правительству пришлось согласиться с постепенным расформированием в ожидании найти страны, готовые принять таких неудобных гостей. Несомненно, на это уйдет много времени. А пока надо сохранить дисциплину этой массы, причем французских военных на месте немного. Нейраль де Бургон заключает: «Врангелевская армия полностью организована и дисциплинирована, и, значит, выгодно сохранить ее [...], но только в подчинении французского командования»⁶⁵. Следовательно, французское правительство лишь за неимением выбора соглашается сохранить то, что Бруссо назвал «фикцией» армии. Ее оставляют под командованием Врангеля, влияние на армию которого, по словам адмирала де Бон, «является той силой, которую мы должны использовать во избежание авантюры»⁶⁶.

Эта неясность ляжет тяжелым бременем на взаимоотношения казаков и французских властей. Ведь Врангель, в отличие от того, что он заявляет французам, ничуть не намерен распылять свои войска, а наоборот, хочет сохранить их для возобновления борьбы с Советами. Скрытое вначале, это теперь провозглашается открыто, в особенности в феврале, когда генерал обращается к своим воинам на Лемносе. Секретные циркуляры комсоставу предписывают расстраивать все попытки, направленные против сохранения армии как таковой⁶⁷. С этого момента начинают быстро портиться его отношения не только с французской властью,

---

⁶² SHMV, 1BB3/5, телеграммы 2171 и 2175 Жоржа Лэга Верховному комиссару Франции в Константинополе от 09.12.1920.

⁶³ SHMT, 56 С 59–60, письмо ген. Врангеля ген. Бургону от 06.12.1920.

⁶⁴ Ibid., письмо 2674/3 Командующего СОС Верховному комиссару Франции в Константинополе от 08.12.1920.

⁶⁵ SHAT, 20 N 1155, доклад ген. Бургона от 19.11.1920.

⁶⁶ SHMV, 1BB4/17, письмо 125 MS вице-адмирала де Бона Морскому министру от 12.12.1920.

⁶⁷ SHAT, 20 N 1154, письмо 3523/3 ген. Шарпи ген. Пеле (Pellé) от 09.03.1921.

но и с лагерным начальством, им самим назначенным, в первую очередь с ген. Фостиковым на Лемносе.

У этого начальства довольно необычный статус: они одновременно в подчинении и у Врангеля, и у французов. Например, у Бруссо на Лемносе. Ему (Бруссо) предписывается исполнять свои обязанности «со всей предупредительностью и уважением к возрасту и чину своих коллег»⁶⁸. Такое двойное подчинение мыслимо лишь в рамках отличного взаимопонимания, но становится проблематичным при наличии различных целей, что и будет доказано в ближайшее время.

С января Бруссо начинает жаловаться, что «русские начальники охотно ссылаются на Врангеля, когда им это удобно, чтобы встать поперек пути ему самому», т. е. Бруссо. И коварно добавляет, что «им не стыдно нарушать предписания своего Главкома, когда эти предписания нарушают их собственную халатность и лень». Первое столкновение происходит, когда Бруссо отдает приказ об изъятии неиспользуемых револьверов и передаче их французским военным. Фостиков отвечает, что не может исполнить приказание французских властей, не имея на это предварительного разрешения ген. Врангеля⁶⁹.

---

⁶⁸ Ibid., 20 N 1228, письмо 3016/3 ген. Шарпи ген. Врангелю от 09.01.1921.

⁶⁹ Ibid., письмо 159/S ген. Бруссо Командующему СОС, 10.01.1921.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.